

Э.П. Пюш

**Св. Иоанн Златоуст и нравы
его времени**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Э1

Э1 **Э.П. Пюш**
Св. Иоанн Златоуст и нравы его времени / Э.П. Пюш – М.: Книга по Требова-
нию, 2019. – 366 с.

ISBN 978-5-518-06988-6

ISBN 978-5-518-06988-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ставлявшихся при изученіи этой отдаленной эпохи, и, наконецъ, о планѣ своего изслѣдованія,—авторъ довольно обстоятельно говоритъ въ предпосланномъ своей книгѣ введеніи. Въ первой половинѣ этой вступительной статьи онъ задается цѣлью „прежде чѣмъ начать новое изслѣдованіе, вкратцѣ обозрѣть предшествовавшіе труды и высказать мнѣніе какъ относительно главныхъ издателей твореній св. Златоуста, такъ и относительно главныхъ его историковъ“. Но такъ какъ всѣ разбираемые труды, за единственнымъ исключеніемъ, не сдѣлались еще достояніемъ русской богословской литературы, то и критическая оцѣнка ихъ можетъ представлять интересъ только для весьма незначительной части русской публики, знакомой съ этими произведеніями въ оригиналѣ. И переводчикъ едва ли подвергнется упреку за то, что онъ счелъ себя вправѣ ограничиться только приведеніемъ второй половины введенія, излагающей взгляды автора на сущность своей работы и представляющей безспорный интересъ для всякаго.

„Творенія св. Златоуста изобилуютъ любопытными свѣдѣніями о нравахъ его времени. Въ этомъ отношеніи съ нимъ нельзя сравнить ни одного церковнаго оратора. Такъ какъ его проповѣдь является чисто практической и житейскою, то мы не найдемъ у него ни одной бесѣды, ни одного трактата, гдѣ бы онъ прямо не обличалъ какого-либо порока, наиболѣе общаго руководимой имъ паствѣ. Притомъ, здѣсь не можетъ быть рѣчи о безплодной тратѣ краснорѣчія. Онъ вступаетъ въ беспощадную борьбу съ пороками и является слишкомъ хорошимъ моралистомъ, чтобы не знать, что первое средство уврачевать нравственный недугъ—хорошо узнать и ярко изобразить его, проникнуть въ его глубокія причины, дать почувствовать его непосредственныя и отдаленныя слѣдствія. Такъ онъ понимаетъ свою задачу, такъ и

выполняетъ ее съ глубокою проникающею челоуѣка, привыкшаго читать въ сердцахъ, съ высокимъ краснорѣчіемъ одного изъ даровитѣйшихъ, когда либо существовавшихъ ораторовъ, съ пылкою ревностію христіанина, не останавливаемаго никакимъ личнымъ соображеніемъ. Но и это еще не все. Св. Златоустъ—уроженецъ Востока, сиріецъ, а сирійцы, какъ замѣтилъ Монфоконъ,^{*)} ссылаясь на выраженіе бл. Иеронима, особенно любили пользоваться сравненіями: это былъ одинъ изъ обычныхъ приемовъ ихъ риторики. И у св. Іоанна сравненія, дѣйствительно, весьма часты и не только намѣчены бѣглыми чертами, но въ большинствѣ случаевъ охотно имъ развиты и доведены до подробностей. Отсюда новый источникъ точныхъ свѣдѣній и картинныхъ описаній. Безспорно, сирско-эллинская цивилизація IV-го вѣка оживаетъ передъ нами въ бесѣдахъ св. Златоуста гораздо лучше, чѣмъ въ рѣчахъ Ливанія или въ его довольно безсодержательной перепискѣ, и гораздо ярче, чѣмъ въ трудѣ Амміана; хотя, правда, и историкъ, и софистъ сообщаютъ намъ многое о своемъ отечествѣ, о той Антиохіи, которую они оба любили благоговѣйною любовью. Сверхъ того, св. Іоаннъ, предлагающій намъ сколько одушевленную, столько же и точную картину, не только даетъ намъ разсказъ, но и произноситъ свой судъ. И если его вѣра и ревность необходимо дѣлаютъ его иногда нѣсколько пристрастнымъ, то превосходство его ума,—столь ярко блестящее сравнительно съ посредственностью Ливанія, что между ними невозможно никакое сопо-

---

*) Бернардъ Монфоконъ, монахъ Бенедиктинскаго ордена († 1741), болѣе двадцати лѣтъ трудившійся надъ изданіемъ полнаго собранія твореній св. Іоанна Златоуста и оставившій въ высшей степени цѣнные изслѣдованія о подлинности, времени и мѣстѣ написанія и содержаніи твореній св. Іоанна.

ставленіе,—и вмѣстѣ возвышенность его характера, отъ которой, безъ сомнѣнія, далека даже благодушный Аммианъ, при всей своей прямотѣ и честности,—придаютъ его сужденіямъ необычайную силу.

„Итакъ, изображеніе на основаніи свидѣтельства св. Златоуста нравовъ IV-го вѣка, въ частности—Антиохіи и Константинополя, равно какъ обсужденіе этого свидѣтельства и строгая оцѣнка его—до сего дня еще не были предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, хотя всѣ ученые, писавшіе о Златоустѣ, въ своихъ трудахъ пользовались случаемъ затрогивать существеннѣйшія черты. Правда, знаменитый издатель твореній св. Златоуста, Монфоконъ, написалъ спеціальную диссертацию подъ заглавіемъ: *„обычаи и обряды вѣка Θεодосія Великаго и его сына Аркадія“*, въ которой собралъ главные тексты изданнаго имъ писателя: о роскоши двора и богачей, о циркѣ, театрѣ и играхъ, о суевѣріяхъ, судахъ, бракахъ, общественныхъ дорогахъ, философахъ, похоронахъ и пр. Но въ этомъ рядѣ статей, не связанныхъ никакимъ планомъ,—что можно видѣть уже изъ сдѣланнаго нами перечня заглавій,—нельзя найти ничего, кромѣ очень сухого свода фактовъ. Это не болѣе, какъ указатель, или, если угодно, выборка текстовъ для примѣчаній къ словарю древностей, а вовсе не то изслѣдованіе, вмѣстѣ и историческое; и нравственное, какое Академія имѣла намѣреніе вызвать въ свѣтъ.

„Такое изслѣдованіе представляетъ нѣкоторыя особенныя трудности, которыя нужно выяснить. И прежде всего, трудность является въ необходимости оцѣнить свидѣтельство св. Златоуста. Очень большою распространенностью пользуется мнѣніе, что проповѣдникъ обыкновенно склоненъ къ преувеличенію, и что поэтому должно опасаться принять проповѣдническое слово буквально. Мы не знаемъ, нужно ли относиться съ такимъ недоувѣріемъ только къ посредственнымъ пропо-

вѣдникамъ, или же и лучшихъ изъ нихъ слѣдуетъ признать менѣе правдивыми, чѣмъ мы склонны думать, но, во всякомъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о св. Златоустѣ, эта опасность является меньшею, чѣмъ относительно большинства другихъ. Онъ избѣгалъ общихъ мѣстъ и риторическихъ декламаций и живо интересовался тѣмъ дѣйствіемъ, какое ежедневно производилъ на своихъ слушателей. Мы не думаемъ, что онъ раздѣлялъ то мнѣніе, будто проповѣдникъ всегда долженъ усиливать тонъ („стучать, какъ глухой“), такъ какъ онъ всегда былъ чутокъ къ малѣйшимъ впечатлѣніямъ своей паствы, и по выходѣ ея изъ храма и нерѣдко въ самомъ храмѣ. Въ этой школѣ ему не нужно было много времени для убѣжденія въ томъ, что урокъ достигаетъ цѣли только тогда, когда онъ справедливъ и строго соразмѣренъ. Разъ допустивъ преувеличеніе, вызывающее улыбку, онъ подвергнется опасности уничтожить плодъ весьма благоразумныхъ и законныхъ увѣщаній, среди которыхъ оно ошибочно проскользнуло. Мы думаемъ, что вообще можно съ полнымъ довѣріемъ относиться къ слову св. Златоуста, и очень поверхностно будетъ сужденіе того, кто, уступая первому впечатлѣнію и въ особенности будучи пораженъ жаромъ и блескомъ пылкаго краснорѣчія, не замѣтитъ сокровищъ мудрости и нравственнаго знанія, какія оно въ себѣ содержитъ. Св. Златоустъ не только ораторъ,—онъ духовникъ, духовникъ цѣлаго города, съумѣвшій, при выполненіи этой подавляющей задачи, выказать искусство, равное тому, какое выказали Франсуа-де-Саль, Боссюэтъ или Фенелонъ по отношенію къ нѣсколькимъ избраннымъ душамъ. И если, тѣмъ не менѣе, намъ иногда придется подвергнуть сомнѣнію его свидѣтельство, или даже признать его спорнымъ, то это скорѣе произойдетъ тогда, когда мы увидимъ его полемизирующимъ съ своими личными противниками, чѣмъ когда мы спросимъ его о порокахъ

или добродѣтеляхъ ввѣренной ему паствы. Помимо того, хотя въ тотъ вѣкъ богословскихъ настроеній онъ и сохранялъ въ большинствѣ случаевъ величайшую мягкость, однако, изрѣдка чувствуется ея недостатокъ во время борьбы, вызванной его епископскимъ служеніемъ. Но во всякомъ случаѣ, когда мы изучаемъ его бесѣды, сказанныя въ Антиохіи и представляющія прекраснѣйшую и оригинальнѣйшую часть его твореній,—мы должны дѣлать эту оговорку только очень рѣдко.

„Не представляется ли, однако, возможнымъ провѣрить свидѣтельство св. Іоанна посредствомъ другихъ свидѣтельствъ? Правда, что Монфоконъ въ уже упомянутой диссертациі утверждаетъ, будто „большая часть сдѣланныхъ имъ сообщеній осталась бы неизвѣстною безъ этого церковнаго оратора, и ихъ напрасно было бы искать у другихъ авторовъ того времени“,—но въ этихъ словахъ есть нѣкоторое преувеличеніе. Хотя другіе св. отцы, и греческіе, и латинскіе, какъ напримѣръ, св. Василій Великій, Григорій Назіанзинъ, бл. Іеронимъ и Августинъ, и не такъ, какъ онъ, богаты подробностями, однако, предлагаютъ много интересныхъ деталей. Такія же свѣдѣнія мы найдемъ и у панегиристовъ, послѣднихъ поэтовъ и послѣднихъ классическихъ историковъ. Иногда мы будемъ обращаться и къ тѣмъ и къ другимъ, и охотно обращались бы къ нимъ гораздо чаще, еслибы нашъ трудъ не грозилъ тогда безмѣрно увеличиться и перейти въ общую исторію нравовъ IV-го вѣка. Вотъ почему мы всегда имѣемъ въ виду только св. Златоуста и прибѣгаемъ къ посредничеству другихъ свидѣтелей только тогда, когда это представляется необходимымъ для его провѣрки или въ томъ случаѣ, когда мы видимъ особый интересъ въ потверженіи его словъ ихъ свидѣтельствомъ. Намъ слѣдуетъ только изрѣдка обращаться къ бл. Іерониму, дающе-

му свѣдѣнія о Римѣ, къ св. Василию, жившему главнымъ образомъ въ Кесаріи, и бл. Августину, описавшему состояніе африканскихъ нравовъ, но непозволительно было бы пренебречь тѣми сообщеніями, какія даютъ объ Антіохіи писатели—уроженцы или долгое время прожившіе тамъ, т. е. Ливаній, Амміанъ и Юліанъ.

„Наконецъ, могла вызвать колебанія и послѣдняя трудность. Жизнь св. Златоуста протекла въ Антіохіи и Константинополѣ. Большую часть своей жизни онъ провелъ въ сирійской митрополи, но нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Константинополѣ, полны событій и приобрѣтаютъ особенную важность, благодаря величію роли, къ какой св. Іоаннъ тогда былъ призванъ. Между тѣмъ, Антіохія и Константинополь замѣтно отличались одна отъ другого. Безспорно, оба города имѣли сходство въ томъ, что обязаны были своимъ неожиданнымъ происхожденіемъ новой династіи, но у древней столицы Селевкидовъ, населенной эллинизованными сирійцами, были и свои традиціи, и свои національные нравы. Она первая была просвѣщена благовѣстіемъ учениками Іисуса Христа и дала христіанству его имя. Она, такимъ образомъ, представлялась вдвойнѣ оригинальною среди великихъ городовъ имперіи и легко отличалась отъ своего Босфорскаго соперника. Съ перваго взгляда казалось бы необходимымъ раздѣлить наше изслѣдованіе на двѣ части и, предварительно изучивъ св. Іоанна въ его первомъ мѣсто-пребываніи, затѣмъ послѣдовать за нимъ во второе. Такой планъ имѣлъ бы, конечно, свое преимущество, но въ немъ заключается гораздо больше затрудненій. Безъ сомнѣнія, хотя и остается нѣкоторое колебаніе относительно времени появленія извѣстныхъ твореній св. Златоуста, однако, теперь уже довольно вѣрно можно установить, какія изъ нихъ относятся къ Антіохіи и какія къ Константинополю. Это изслѣ-

дованіе уже интересовало патріарха Фотія, иногда, впрочемъ, пользовавшагося нѣсколько обманчивымъ критеріемъ *). Съ гораздо большею проницательностію и эрудиціей, оно было позднѣе предпринято Тильмономъ и Монфокономъ, хотя довольно часто и они приходили къ различнымъ выводамъ. Но, если ошибка была возможна для того или другого изъ нихъ, то почти всегда они указывали рѣшительные или очень правдоподобные аргументы, такъ что почти не остается совершенно неразрѣшимыхъ сомнѣній. Настоящая трудность заключается въ другомъ.

„Какъ бы ни чувствительны были отличія, отдѣлявшія Антиохійское общество отъ общества Константинопольскаго, сходство между ними были еще болѣе значительно. Въ IV-мъ вѣкѣ вся имперія въ цѣломъ, даже въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ, представляетъ почти одно и то-же зрѣлище. По всюду происходитъ рѣшительная борьба между античною умирающею цивилизаціей и цивилизаціей христіанской, теперь уже достигшей зрѣлости,—борьба по мѣстамъ различная въ нѣкоторыхъ частныхъ обнаруженіяхъ, но тождественная въ своихъ глубокихъ причинахъ и общихъ результатахъ. Римъ, Карфагенъ, Медіоланъ, Бордо, Триръ, Барселона и Аквилея въ странахъ латинскихъ страдали отъ однѣхъ и тѣхъ-же причинъ, усѣяны были одними и тѣми-же руинами, какъ Константинополь, Никомидія, Александрія, Кесарія или Антиохія въ странахъ греческихъ. Тѣмъ болѣе, въ каждой изъ

---

*) „Онъ принималъ за правило, что лучшія творенія св. Златоуста относятся къ антиохійскому періоду, а всѣ тѣ, въ которыхъ прославляется какая-нибудь небрежность,—были составлены въ Константинополѣ, гдѣ св. Іоаннъ имѣлъ такъ мало свободнаго времени и такъ много трудовъ и заботъ. Но ясно, что, съ одной стороны, здѣсь должны быть исключенія изъ правила и, съ другой, что требуется слишкомъ тонкій вкусъ для точнаго проведенія границы между двумя образовавшимися такимъ образомъ группами“.

двухъ половинъ имперіи, — въ восточной и въ западной, — мѣстныхъ отличія довольно хорошо совмѣщались въ великомъ общемъ единствѣ. Отсюда вытекаетъ, что особое изученіе того и другого мѣстопробыванія св. Іоанна, — Антиохіи и Константинополя, — привело бы къ многимъ безплоднымъ работамъ, потребовало бы ненужныхъ ссылокъ на многія, уже сообщенныя свѣдѣнія, словомъ, тогда повторенія были бы неизбежны. Поэтому мы избрали дѣленіе по порядку матеріала, а не хронологическое, но такъ, что первая и послѣдняя главы дадутъ намъ возможность воспользоваться выгодами и хронологическаго подраздѣленія. Прежде всего, мы изображаемъ проповѣдника предъ его аудиторіей, съ цѣлью опредѣлить способъ проповѣдничества одного и показать настроенность другой. Такимъ образомъ, мы можемъ съ самаго начала установить различіе между частнымъ характеромъ антиохійскихъ и византійскихъ слушателей. Далѣе, въ трехъ послѣдующихъ главахъ подлежатъ изслѣдованію: классы общества, учрежденіе семьи, вѣрованія и религіозные обычаи *). Мы сочли необходимымъ ввести особую главу объ общественныхъ праздникахъ и зрѣлищахъ, занимавшихъ такое видное мѣсто въ жизни того времени. Въ послѣдней главѣ — о дворѣ и государствѣ — можно было соединить все то, что поистинѣ новаго и особеннаго представляютъ годы епископства св. Іоанна и

---

*) „Въ подобнаго рода трудѣ при желаніи достигнуть строгой композиціи, весьма трудно совершенно устранить произволь въ распредѣленіи матеріала. Главныя отдѣлы установлены, но размѣщеніе подробностей между различными главами часто можетъ вызывать сомнѣніе. Не лучше ли было бы извѣстный обычай, обличаемый св. Златоустомъ и помѣщенный нами въ главѣ о семьѣ, отнести къ главѣ о религіи, или наоборотъ? Но, по размышленіи, мы пришли къ мысли, что не слѣдуетъ слишкомъ много затрудняться подобными мелочами, которыя могли бы увеличиться до безконечности. Мы сочтемъ себя удовлетворенными уже въ томъ случаѣ, если главный планъ, принятый нами, покажется дѣйствительно соответствующимъ сущности предмета“.

что даже не намѣчалось въ его антиохійскій періодъ. Наконецъ, въ заключеніи мы, съ одной стороны, изслѣдовали, каковы могли быть практическіе результаты проповѣди св. Златоуста, а съ другой, попытались выяснитъ истинныя основы его морали и ясно показать созданный имъ идеаль, который онъ съ такою вѣрою и отвагой старался, насколько возможно, осуществить въ современномъ ему обществѣ“.

Предлагая книгу русской публикѣ, переводчикъ счелъ себя вправѣ опустить тѣ,—впрочемъ, весьма незначительныя по размѣру,—мѣста, гдѣ авторъ дѣлаетъ ссылки на малоизвѣстныя факты французской исторіи, или употребляетъ національныя сравненія, совершенно чуждыя, а иногда и вовсе непонятныя русскому читателю (напримѣръ, сопоставленіе дѣятельности св. Златоуста съ проповѣдническою дѣятельностью современнаго миссіонера—проповѣдника во Франціи и т. п.). Нѣсколько болѣе значительныя пропуски переводчикъ сдѣлалъ, руководствуясь вѣроисповѣдными причинами. Довольно многочисленныя примѣчанія автора, тамъ, гдѣ было умѣстно и удобно, введены въ текстъ или сохранены подъ строкою; подстрочная цитація заимствуемыхъ изъ твореній св. Іоанна мѣстъ устранила, въ видахъ экономіи мѣста.

